

Рука взорвалась болью — ослепительной, всепоглощающей. Цзи Линьсюэ, до хруста стиснув зубы, из последних сил, собрав остатки воли в кулак, со всей мощи отшвырнул ногой нападавшего. Коренастый бандит, описав в воздухе короткую дугу, отлетел на два метра и тут же был намертво скручен набежавшими со всех сторон телохранителями.

Когда первый шок и бешеный выброс адреналина схлынули, боль в руке стала отчётливой, невыносимой, пульсирующей в такт бешено колотящемуся сердцу. Она растекалась от места удара по всему телу, проникая в каждую клеточку, достигая кончиков пальцев. Было так больно, что сознание на мгновение померкло, растворилось в белой, слепящей вспышке, за которой не было ничего.

Реальность начала расплываться, терять чёткие очертания, как акварельный рисунок под струями дождя. Крики, заполнившие цех, отдалялись, стихали, словно их заглушали толстым слоем ваты. Всё вокруг замедлилось, поплыло, как в старом кино, пущенном в замедленной съёмке. Мир закружился в диком, хаотичном танце, и Цзи Линьсюэ с трудом удерживал равновесие, цепляясь за ускользающую реальность.

Главный эпизод... кажется, удалось предотвратить...

Силы разом покинули его, утекли, как вода из разбитого сосуда. Ноги подкосились, и Цзи Линьсюэ, не в силах больше держаться, начал медленно, неудержимо заваливаться назад, в пустоту, в холодную, бездонную темноту.

Но в следующее мгновение он провалился не в ледяную бездну, а в чьи-то тёплые, надёжные, сильные объятия. Гу Хэнчжи подхватил его, прижал к себе и что-то отчаянно кричал, выкрикивал его имя снова и снова, но слова доносились словно сквозь толщу воды, неразборчивые, далёкие, чужие.

Цзи Линьсюэ попытался что-то сказать, ответить, пошевелил губами, но веки его, налившиеся свинцом, неумолимо опускались, затягивая в спасительную, беспмятную тьму. И перед тем как сознание окончательно покинуло его, он почувствовал на своей щеке что-то горячее, обжигающе-влажное.

Чьи-то слёзы.

— ...У пациента серьёзная травма правой руки, полученная в результате сильного удара тяжёлым тупым предметом. Кость повреждена серьёзно. Потребуется не меньше нескольких месяцев на полное восстановление.

— Останутся ли какие-то последствия? — голос глухой, напряжённый, с едва заметной дрожью.

— Пока сложно сказать определённо. Всё будет зависеть от того, как пойдёт реабилитация, от индивидуальных особенностей организма. В ближайшее время правую руку необходимо беречь как зеницу ока — никаких резких движений, никаких нагрузок. Соблюдать щадящую диету,

богатую кальцием. А когда состояние стабилизируется, нужно будет начать делать специальные упражнения для разработки лучезапястного сустава. Физиотерапия, массаж... Но до этого ещё далеко.

Мягкий солнечный свет спокойно струился сквозь полупрозрачную занавеску, заливая ровным, золотистым сиянием небольшую, стерильно-белую палату. Он играл на полированной поверхности тумбочки, скользил по гладкому полу, ложился тёплыми пятнами на больничное одеяло.

Где-то на периферии сознания, сквозь сонную пелену, пробивались приглушённые расстоянием голоса. Цзи Линьсюэ чуть шевельнул пальцами левой руки — правую он не чувствовал совсем, она была чужой, тяжёлой. И через некоторое время голоса стихли, в палате воцарилась звенящая, почти осязаемая тишина.

Сколько прошло времени — минута, час, вечность? — он не знал, да и не хотел знать. Но когда, наконец, ему удалось разлепить тяжёлые, непослушные, словно склеенные, веки, первое, что он увидел, были глаза Гу Хэнчжи. Тот сидел у его кровати, в изножье, неотрывно глядя на него. Казалось, он не спал несколько суток.

— Ты очнулся, — голос его звучал хрипло, простуженно, с непривычной, надломленной ноткой, которой Цзи Линьсюэ никогда раньше не слышал. Он попытался улыбнуться — ободряюще, спокойно, но улыбка вышла жалкой как у манекена. Тогда он просто сжал губы в тонкую линию. — У тебя перелом руки. Серьёзный. Нужно будет некоторое время восстанавливаться. В школе я уже всё уладил, взял для тебя академический отпуск. Так что лежи спокойно, отдыхай, не думай ни о чём постороннем.

Рука пульсировала тупой, выматывающей болью, которая то затихала, то накатывала с новой силой. Цзи Линьсюэ попытался приподняться, опереться на локоть, чтобы лучше видеть собеседника, но Гу Хэнчжи тут же, мягко, но настойчиво, почти приказным тоном, уложил его обратно на подушку.

— Тебе только что сделали операцию, — сказал он строго, но в голосе его слышалась бесконечная усталость. — Нужно лежать, не двигаться. Вообще. Это не обсуждается.

Цзи Линьсюэ прикусил губу, пытаясь справиться с болью, и, когда заговорил, с удивлением обнаружил, что голос его звучит сипло, чуждо, будто принадлежит не ему, а кому-то другому, постороннему.

— Ты... ты сам-то как? Цел? Не пострадал?

— Со мной-то что будет? — Гу Хэнчжи дёрнул щекой, и в глазах его, воспалённых, красных от недосыпа, мелькнула тень той ночи, того ужаса, который он, видимо, никак не мог забыть. — Целый я, видишь? — он развёл руки в стороны, демонстрируя себя. — А вот ты... — он запнулся, сглотнул, и кадык его судорожно дёрнулся. — Кто тебя просил заслонять меня, идиот? Зачем ты один поперся туда, на этот чёртов завод? Думаешь, у тебя две жизни? Даже

не подумал, чем это может кончиться?

В глазах его снова запульсировала краснота, наливаясь кровью. Последние двое суток он почти не спал — это было видно невооружённым глазом. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором вновь и вновь прокручивались кадры той ночи: свист разрезающей воздух ржавой арматуры, глухой, тошнотворный, мокрый звук удара по живому телу, побелевшее, безжизненное лицо Цзи Линьсюэ, падающего прямо ему в руки. Всё это, зацикленное, замедленное, как в страшном сне, бесконечно повторялось, не давая покоя, разъедавая душу.

— Всего лишь перелом, — Цзи Линьсюэ, стиснув зубы, чтобы не выдать боли, постарался говорить как можно спокойнее, даже равнодушнее, будто речь шла о чём-то незначительном. — Рука — не голова, срастётся. Подумаешь. А те двое, похитители, что с ними?

При упоминании о них лицо Гу Хэнчжи мгновенно омрачилось, стало жёстким, почти злым — тени метнулись по скулам, губы сжались в тонкую линию. Если бы не этот очухавшийся коренастый ублюдок, если бы он не поднялся тогда, не схватил эту проклятую ржавую трубу, Цзи Линьсюэ не лежал бы сейчас здесь, с переломанной рукой, в этой дурацкой, стерильно-белой палате. Всё это — его вина.

В тот момент, когда все смотрели на верзилу с ножом, этого, второго, просто никто не заметил. А он, оказывается, очнулся и, схватив с пола обломок ржавой арматуры, уже занёс её для последнего, смертельного удара.

— Полиция их забрала, — процедил Гу Хэнчжи сквозь зубы, и каждое слово его сочилось ледяной ненавистью. — Теперь не о них думать надо, а о том, чтобы ты поправился. Всё остальное решится без нас. С ними разберутся.

Цзи Линьсюэ пристально посмотрел на него, задержал взгляд на секунду дольше обычного.

— А родители? Мои? Они знают?

Гу Хэнчжи, словно ожидая именно этого вопроса, устало покачал головой.

— Я не стал им звонить. Подумал, что такие вещи лучше тебе самому решать. Не хотел пугать людей раньше времени. И за лечение не беспокойся, все расходы семья Гу берёт на себя. Полностью. И компенсацию тебе выплатят, немалую. Я позабочусь.

Гу Фэнъянь, при всей своей расчётливой, прагматичной натуре, был прежде всего бизнесменом, умеющим считать деньги и репутацию. Цзи Линьсюэ спас его младшего сына, и, что, возможно, было ещё важнее в глазах общества, пострадал, защищая старшего. Чтобы заткнуть рты свидетелям, чтобы избежать ненужных слухов и сохранить безупречное лицо семьи, он не станет скупиться на деньги.

Да и школа, узнав о случившемся, изрядно переполошилась — ученик пострадал во время официальной выездной экскурсии, организованной учебным заведением, да ещё и впутался в криминальную историю с семьёй Гу. Так что в общей сложности Цзи Линьсюэ мог рассчитывать на весьма и весьма солидную сумму, которая решила бы многие его проблемы.

— Спасибо, — выдохнул Цзи Линьсюэ с облегчением, откидываясь на подушку. Он и сам не собирался рассказывать родителям о том, что случилось. Это только заставило бы их волноваться и переживать, а помочь они всё равно ничем не смогут, только изведут себя.

— Не надо меня благодарить, — Гу Хэнчжи резко дёрнул головой, словно отгоняя назойливую муху. — Это я должен тебя благодарить. И знаешь что? — Он наклонился ближе, почти вплотную, заглядывая в самую глубину глаз. — Если когда-нибудь, где-нибудь случится нечто подобное, не смей больше так делать. Понял? В этот раз по руке пришлось, а если бы по голове? Если бы он целился в голову? Ты бы сейчас не разговаривал со мной. Ты бы вообще ничего не делал.

Цзи Линьсюэ посмотрел на него долгим, внимательным взглядом и слабо, одними уголками губ, чуть заметно улыбнулся.

Если бы случилось снова, если бы кому-то угрожала смертельная опасность, он бы, не задумываясь, поступил точно так же. Неважно, кто этот человек — тот тонущий ребёнок из его прошлой жизни, которого он не успел спасти, или главный герой этой книги, который на самом деле оказался совсем не монстром. Они живые, настоящие люди. И он не мог, просто не имел права, стоять и смотреть, как их убивают.

Если бы он тогда не заслонил Гу Хэнчжи, эта проклятая труба пришлась бы прямо ему в голову. И тогда всё было бы гораздо страшнее, чем просто сломанная нога, как в оригинальном сюжете. Тогда была бы верная смерть.

— Ты ещё смеёшься? — Гу Хэнчжи нахмурился, стараясь выглядеть строгим, даже грозным, но в глазах его, усталых, воспалённых, плескалась неподдельная, острая тревога. — Ты хоть слушаешь, что я тебе говорю?

— Слушаю, — вздохнул Цзи Линьсюэ, чувствуя, что спорить с ним сейчас бесполезно, да и сил на это нет.

Следующие несколько дней Гу Хэнчжи безотлучно провёл в больнице, ухаживая за Цзи Линьсюэ с трогательной, порой даже неуклюжей заботой. Правая рука того была в тяжёлом гипсе, обездвижена, и многие простые, привычные вещи превратились в настоящую проблему, в испытание на терпение. В туалет ещё можно было сходить самому — больничная пижама была достаточно свободной, чтобы справиться одной рукой, но вот каждый приём пищи становился настоящей пыткой.

Цзи Линьсюэ, вооружившись ложкой в левой руке, медленно, по миллиметру, подносил её ко рту, расплёскивая по пути половину содержимого на одеяло, на простыни, на себя. Гу Хэнчжи,

наблюдавший за этими мучениями со стороны, наконец не выдержал.

— Дай сюда, — сказал он решительно, без тени сомнения, и властно протянул руку.

Цзи Линьсюэ поднял на него глаза, полные немого вопроса, но ложку не отдал. Вся его напряжённая поза, этот упрямо сжатый рот говорили красноречивее любых слов: «Что значит — дай? Я сам справлюсь».

Гу Хэнчжи, не тратя времени на пустые препирательства, просто и бесцеремонно выхватил ложку из его ослабевших, не ожидавших такого натиска пальцев, зачерпнул ею из тарелки горячий, наваристый суп, осторожно, по-настоящему осторожно, подул, чтобы остудить, и поднёс к самым губам Цзи Линьсюэ.

— Ешь, — коротко, как приказ, бросил он.

Цзи Линьсюэ инстинктивно отшатнулся, вжимаясь в подушку.

— Я сам справлюсь, — попытался он протестовать, но голос его прозвучал неуверенно, слабо.

— Ешь, — повторил Гу Хэнчжи, даже не думая убирать ложку, глядя на него в упор.

Цзи Линьсюэ, которому такая всепоглощающая, почти материнская забота была в новинку и в диковинку, нахмурился, но промолчал. Он никогда не любил, когда его жалели, когда за ним ухаживали, чувствуя себя при этом обязанным.

— Я правда сам... — начал было он снова.

Они застыли друг напротив друга в молчаливом, напряжённом противостоянии, и ни один не желал уступить ни на йоту. Но вдруг лицо Гу Хэнчжи неуловимо изменилось, стало мягче, человечнее, и в голосе его, обычно жёстком, привыкшем приказывать, послышались непривычные, просящие, даже виноватые нотки.

— Ну дай ты мне хоть что-то для тебя сделать, — тихо, почти шёпотом, сказал он.

Цзи Линьсюэ встретился с его взглядом — и словно провалился в бездну: столько в нём было боли, вины, бесконечной, невысказанной благодарности и ещё чего-то, чему он не мог подобрать названия. Он не привык, чтобы ему прислуживали, чтобы кто-то о нём так заботился, и уж тем более не собирался пользоваться чужим, пусть даже и искренним, чувством долга. Но Гу Хэнчжи, судя по всему, считал иначе. Он и так не отходил от него ни на шаг все эти дни, дышал с ним одним воздухом, и если сейчас отказаться от его помощи, это только усугубит его и без того тяжёлое, разъедающее душу чувство вины.

Цзи Линьсюэ, поколебавшись ещё мгновение, чуть приоткрыл рот. Гу Хэнчжи, воспользовавшись этим мгновением, ловко, хоть и не совсем умело, отчего ложка предательски стукнулась о зубы, отправил суп ему в рот.

Тёплый, в меру солёный, ароматный бульон растёкся по языку, согревая изнутри. За первой ложкой последовала вторая, третья. Напряжение, сковывавшее тело, понемногу отпускало, движения Гу Хэнчжи становились всё более уверенными, отточенными, и вскоре он уже сноровисто, по-хозяйски, почти профессионально, кормил своего пациента, успевая при этом ловко промокнуть салфеткой выступившую на губах влагу.

Цзи Линьсюэ, которого в детстве, сколько он себя помнил, никогда не кормили с ложечки, которого с ранних лет приучили к самостоятельности, молча, покорно откинулся на подушку и принимал эту новую, странную, но, как ни странно, не лишённую своеобразного, щемящего уюта, реальность.

С этого дня Гу Хэнчжи вошёл во вкус, и остановить его было уже невозможно. Теперь любая еда — будь то наваристый костный бульон, призванный, по заверениям врачей, укреплять кости, или обычная больничная каша, разваристая и пресная — проходила исключительно через его руки, под его неусыпным контролем.

В один из дней, в самый разгар очередного сеанса кормления, за дверь палаты вдруг послышался топот множества ног и оживлённые, возбуждённые голоса. Не успели они оба и глазом моргнуть, как дверь с грохотом распахнулась, и в палату пулей влетел Шэнь Шаоянь.

— Снежок! — завопил он с порога, сияя радостной улыбкой.

И тут же поперхнулся собственным криком, словно подавился воздухом.

Он замер, как вкопанный, посреди палаты, и вытаращил глаза на открывшуюся перед ним идиллическую картину. Гу Хэнчжи, с тарелкой в одной руке и ложкой в другой, только что ловко и привычно отправил эту самую ложку прямо в рот Цзи Линьсюэ.

Гу Хэнчжи, ничуть не смутившись присутствием посторонних, даже не подумал убирать руку. Он лишь недовольно сдвинул брови и холодно осведомился:

— Входить без стука теперь в порядке вещей?

Шэнь Шаоянь, наконец, обрёл дар речи, но глаза его всё ещё бегали по сторонам, избегая встречаться взглядом с кем-либо из них, уставившись в пол, в потолок, куда угодно, только не на них.

— Да откуда ж я знал, чем вы тут занимаетесь, — пробормотал он смущённо, краснея до корней волос.

Из-за его спины, словно из-за занавеса, появились Лу Юй и, с несколько натянутым, напряжённым видом, Су Муцин. Увидев эту умильную сцену, они тоже на мгновение опешили, застыв в дверях.

Цзи Линьсюэ, пользуясь заминкой, мягко, но решительно отстранил руку Гу Хэнчжи и, обращаясь к незванным гостям, спокойно спросил:

— Вы как сюда попали?

И тут же, словно оправдываясь, добавил, кивнув на загипсованную руку:

— Рука у меня сломана, самому есть неудобно. Вот он и помогает.

— Да мы всё понимаем, всё прекрасно понимаем, — закивал Шэнь Шаоянь, хитро, по-лисьи, прищурившись, и на лице его заиграла понимающая, даже многозначительная улыбка. — Вы, я смотрю, вообще теперь не разлей вода. Прямо сиамские близнецы.

— Ещё бы, — вставила Су Муцин с плохо скрываемой, кислой, как незрелый лимон, ноткой в голосе, — он же его спаситель. Герой. Если бы Хэнчжи-гэ спас меня, я бы тоже... ну, всячески заботилась, не отходила бы ни на шаг.

В палате повисла неловкая, звенящая тишина. Цзи Линьсюэ многозначительно, с лёгкой усмешкой, посмотрел на Гу Хэнчжи: «Полюбуйся, до чего твоё поведение доводит людей. Сам расхлёбывай».

Гу Хэнчжи, поняв намёк без слов, помрачнел ещё больше, если это вообще было возможно.

— Если ты пришла сюда только за тем, чтобы говорить такие вещи, — отчеканил он ледяным, не терпящим возражений тоном, — то можешь сразу уходить. Здесь тебе не рады. И не делай такое лицо.

Су Муцин заметно ступала под его тяжёлым взглядом. Последнюю неделю Гу Хэнчжи не появлялся в школе, проводя всё время в больнице, и она уже соскучиться по нему успела, извелась вся. Узнав, что Шэнь Шаоянь и Лу Юй собираются навестить больного, она увязалась за ними, напросившись в компанию, чуть ли не силой. И теперь, когда её только что, при всех, выставили за дверь, она почувствовала себя и глубоко обиженной, и униженной, и несчастной.

— Я вовсе не то имела в виду... — попыталась она жалко оправдаться, захлопав накрашенными ресницами.

Но Гу Хэнчжи уже не слушал её, потеряв к ней всякий интерес. Он повернулся к Лу Юю.

— А вы чего припёрлись? — спросил он, и голос его звучал уже не так враждебно, скорее устало.

Эта больница находилась далеко от Дэиня, в другом конце города, и, кроме школьного начальства, навещавшего Цзи Линьсюэ на днях с официальным визитом, в палате всегда было пустынно и тихо, как в склепе.

Су Муцин, оставшись без внимания, обиженно надула губки и захлопала глазами, всем своим видом демонстрируя несправедливо обиженную, не понятую окружающими невинность.

Лу Юй, кашлянув в кулак, чтобы скрыть довольную, ехидную усмешку, степенно ответил:

— Как это — зачем? Проведать больного товарища, конечно, проявить заботу и внимание. Кстати, школа решила наградить Цзи Линьсюэ медалью и грамотой за проявленные мужество и героизм. Чэнь велел спросить, когда он сможет вернуться на занятия, чтобы устроить торжественную линейку.

— Я хочу вернуться прямо сейчас, — не колеблясь ни секунды, твёрдо ответил Цзи Линьсюэ.

На самом деле он мечтал о возвращении в школу уже давно, с первого же дня в этой палате. Но Гу Хэнчжи был непреклонен, как скала: боялся, что рука не восстановится как следует, что будут последствия, что он сорвётся. В больнице, конечно, было хорошо во всех отношениях: отдельная, уютная палата, круглосуточная забота, никаких проблем с деньгами и лечением. Но в родном общежитии, пусть и менее комфортном, шумном, было как-то... свободнее, привычнее, что ли.

Да и от постоянной, порой утомительной, дотошной опеки Гу Хэнчжи он уже начал потихоньку лезть на стенку. Мало того, что тот, выросший в роскоши, не имея ни малейшего опыта в уходе за больными, делал всё неуклюже, с трогательной, но порой раздражающей старательностью, так ещё и сам Цзи Линьсюэ, привыкший с детства полагаться только на себя, никого не обременяя, чувствовал себя не в своей тарелке, когда за ним так навязчиво, пристально следили, когда каждое его движение контролировали. Даже когда он просто мылся в душе, Гу Хэнчжи то и дело стучал в дверь и взволнованно спрашивал, не нужна ли помощь, всё ли в порядке, не упал ли он.

И, как он и ожидал, Гу Хэнчжи тут же воспротивился:

— Нет. Только после того, как снимут гипс. И никак иначе.

Шэнь Шаоянь, до этого молча наблюдавший за перепалкой, не выдержал и вмешался.

— Хэн-гэ, ну чего ты такой деспотичный? — выпалил он, не подумав. — Ты подумай своей головой: Снежку здесь одному, в четырёх стенах, каково? Скука смертная, тоска зелёная. А

если он из-за пропусков по учёбе отстанет, догонять потом замучаешься? Что тогда?

Слово «деспотичный» больно, как заноза, кольнуло Цзи Линьсюэ. Он невольно, краем глаза, покосился на Гу Хэнчжи. Неужели, даже изменив ключевой, судьбоносный эпизод сюжета, он не сможет изменить его характер? Неужели всё это предопределено, написано на небесах, и ничего нельзя поделать?

Гу Хэнчжи, заметив этот странный, отстранённый, холодный взгляд, на мгновение опешил, но вида не подал, спрятал удивление глубоко внутри.

— Чего мелешь? — отмахнулся он от Шэнь Шаояня, как от назойливой мухи, и, присев на корточки перед кроватью, заглянул Цзи Линьсюэ прямо в глаза, пытаюсь найти там ответ. — Ты правда хочешь вернуться? Прямо сейчас?

Цзи Линьсюэ молча, но твёрдо кивнул.

Гу Хэнчжи смотрел на него долго, изучающе, пристально, словно пытаюсь прочесть ответ в глубине его зрачков, в едва заметном движении ресниц. А потом, к удивлению всех присутствующих, включая даже невозмутимого Лу Юя, на лице его появилось выражение усталой, почти обречённой покорности судьбе.

— Ладно, — вздохнул он, и в этом вздохе было столько всего: и боль, и усталость, и какая-то щемящая нежность. — Будь по-твоему. Поедешь в школу. Я сейчас пойду оформлю выписку.

Все присутствующие, включая Шэнь Шаояня, изумлённо переглянулись. Такой быстрой, безоговорочной капитуляции от Гу Хэнчжи, этого нестибаемого, упрямого человека, никто не ожидал.

— Ты чего это вдруг такой сговорчивый стал? — ляпнул Шэнь Шаоянь, не успев вовремя прикусить свой длинный язык.

Гу Хэнчжи одарил его тяжёлым, полным скрытой угрозы взглядом.

— А что, — спросил он вкрадчиво, почти ласково, отчего по спине Шэнь Шаояня пробежал холодок, — раньше я тебя чем-то не устраивал?

— Да нет, что ты, боже упаси! — Шэнь Шаоянь замахал руками, изображая полнейшее, абсолютное, раболепное согласие и готовность подписать любой документ.

Гу Хэнчжи, не став тратить на него драгоценное время, занялся делами. Он быстро и ловко, похозяйски, собрал нехитрые пожитки Цзи Линьсюэ — благо, в больнице вещей было немного, почти всё своё они привезли с собой в небольшой сумке.

Вскоре вся компания покинула душные, стерильные больничные стены и уселась в просторный, комфортабельный автомобиль, чтобы вернуться в родную школу, к скучной, но такой желанной жизни.

<http://bllate.org/book/16531/1569383>